

ДЖОАННА СТИНГРЕЙ, МЭДИСОН СТИНГРЕЙ
JOANNA STINGRAY & MADISON STINGRAY

СТИНГРЕЙ
В СТРАНЕ
ЧУДЕС
Stingray
in
Wonderland

ОГИЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

МОСКВА 2019

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Оригинальное название *Stingray in Wonderland*

Перевод с английского — *Александр Кан*

Издательство благодарит Джоанну Стингрей
за предоставленные фотографии из личного архива

Стингрей, Джоанна, Стингрей Мэдисон

С80 Стингрей в Стране Чудес. / Джоанна Стингрей, Мэдисон Стингрей ;
[пер. с англ. А. Кана]. — М. : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. : илл.
+ [48 вкл.]. — (*Персона*).

ISBN 978-5-17-113356-6

Американская певица и музыкант, роковая леди Джоанна Стингрей приехала в Москву в конце 80-х годов XX века, десять с лишним лет ее жизнь неразрывно была связана с СССР, с миром советского андеграунда. Она открыла западу мир русского рока. Как живые, встают со страниц книги Борис Гребенщиков и Виктор Цой, Юрий Каспарян и Сергей Курёхин, Костя Кинчев и Тимур Новиков, Африка и Коля Васин, Дэвид Боуи и Энди Уорхол и многие-многие другие герои сказочной Страны Чудес. Спустя двадцать лет Джоанна решила вернуться к этому периоду своей биографии и рассказать обо всех перипетиях своих приключений, взгляд ее — взгляд изнутри, взгляд не только свидетеля, но и непосредственного участника многих событий, которым было суждено стать историей.

«Эту книгу я писала с огромной любовью. Возможность оживить воспоминания и погрузиться в волшебный мир первых лет моей ленинградской жизни — чудесный дар, который переполнил мне сердце и согрел душу. Никто из нас не мог тогда знать, что мы — часть уникального периода художественной жизни, интерес к которому будет жить и спустя десятилетия.»

Джоанна Стингрей.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-113356-6

© J Stingray Inc., 2019. Translated by Alex Kan
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Благодарности

Я навсегда остаюсь безмерно благодарна Борису Гребенщикову — за то, что он помог мне стать тем, кем я стала, и в наивной молодости дал мне цель жизни. Мне несказанно повезло оказаться у него под крылом, его тепло питало и питает мою собственную работу и мою любовь.

Виктору Цою, самому настоящему другу, подарившему мне дружбу, о которой каждый из нас может только мечтать. Его честность, его смех, его доброта навсегда остаются со мной, а крылья его навсегда обнимают солнце над Санкт-Петербургом.

Сергею Курёхину — моему «Капитану», моему «Папе», который вдохновил меня на жизнь с огнем в крови и с желанием крушить барьеры. Он научил меня не бояться Вселенной и нисходящих на нас из нее огромных мечтаний.

Всем моим культурным TOVARISHEES. Спасибо вам за то, что вы открыли для меня настоящую свободу и наполнили мое сердце и мою душу самыми величественными красками. Вы окружили меня радостью, творчеством и любовью, которые и по сей день переполняют и вдохновляют меня. МИР И РОК-Н-РОЛЛ!!!

Особая благодарность

Люди, которым я хочу выразить особую благодарность:

Мэдисон Стингрей, занимающая главное место в моем сердце. За то, что сумела вернуть мою историю к жизни.

Джоан и Фред Николас — маяки, освещавшие путь в самые темные дни и помогавшие мне прокладывать дорогу жизни через океан и два континента. Без них эта история не смогла бы случиться.

Джуди Филдс, автор огромного количества фотографий и видеозаписей, запечатлевших нашу память и чудесные мгновения, свидетелями и участниками которых нам довелось стать. Твоя преданность и твоя убежденность в долгие зимние вечера и жаркие летние дни придавали мне мужество и отвагу делать то, что мы делаем, и свободу делиться этим с другими.

Алекс Кан, единственный человек, которому я могла доверить перевод на русский язык своей истории, всех ее ярчайших, бесконечно подвижных частей и фрагментов. Воссозданные им характеры с точностью и уважением воздают должное всем нашим невероятным друзьям.

Предисловие переводчика

История Джоанны — сказка. Сказка о молодой, наивной американской девчонке, почти случайно угодившей в Империю зла, открывшей там внезапно для себя Страну Чудес, и поставившей перед собой задачу сделать эту Страну Чудес открытой и доступной всему миру. В Стране Чудес она познакомилась и подружилась со множеством сказочных героев, встретила и полюбила одного из них, ставшего для нее волшебным Принцем. Преодолевая всевозможные преграды и одолевая врагов, она-таки соединилась со своим Принцем, попутно превратив болотную лягушку, «никому неведомую зверушку» — русский рок — в явление мировой культуры.

Должен признать, что я поначалу со скепсисом отнесся к появлению Джоанны в нашем мире. Замкнутый, чуждый не понимающему, не принимающему его и потому враждебно к нему настроенному внешнему советскому окружению, мир этот сам был к тому времени иной, почти сказочной альтернативной структурой, идеально выстроенной по законам мифотворчества. Опирался он на романтическое идеализированное видение двух оставшихся в пространственном и временном Зазеркальях и потому почти мифических, во многом воображаемых мирах — мире западного рока и мире русской, несоветской культуры.

Мне казалось немыслимым, что кричаще одетая, в леопардовых штанах, с выбеленной челкой, с парой песенок в стиле бездумной американской попсы певичка, не знающая ни русского языка, ни русской культуры, — ровня героям нашего рок-подполья, и что она сумеет по-

строить тот самый, желанный и столь необходимый мостик во внешний мир, который не сумели навести наши другие, многочисленные, куда более искушенные и опытные западные друзья.

Она ни о чем подобном, по счастью, не думала. Она очаровалась мифом и сказкой, погрузилась в магию чуда, которое, в точности, как и для сказочного прототипа ее книги, становилось «все чудесатее и чудесатее» — и, не думая и не размышляя, стала творить и свое собственное чудо — верой, убежденностью, любовью. Таким чудом стал теперь легендарный двойной альбом *Red Wave. Four Underground Bands from the USSR*.

О «золотом веке» русского рока, зафиксированном в том числе на альбоме *Red Wave*, написано немало: мемуаров, воспоминаний, историй отдельных групп, даже серьезных академических исследований и энциклопедий. Всеобъемлющей истории, однако, нет. Не станет такой и «Стингрей в Стране Чудес». Но история русского рока не может быть написана без этого уникального документа. И мы должны быть благодарны Джоанне, которая спустя два десятилетия после, как казалось всем, в том числе и ей самой, уже окончательного расставания с русским периодом своей биографии решила вернуться к нему и рассказать обо всех перипетиях своих приключений, связанных с историей возникновения замысла, реализации и последствиях этого исторического альбома.

Значение и роль *Red Wave* невозможно переоценить. Пластинка не только открыла русский рок миру, она стала и мощнейшим катализатором его развития. Она и развернувшийся вокруг нее скандал подстегнули процессы признания и легитимизации рок-музыки в СССР, расширили границы гласности. *Red Wave* и выпущенный с его помощью на свободу русский рок стали знаменем радикальных исторических перемен в стране.

Книга «Стингрей в Стране Чудес» ценна еще и своим уникальным двойным видением.

С одной стороны, это неискuschenный, но любопытный, страстный, неравнодушный взгляд извне. Ужасно интересно читать, как воспринимался мир советского рок-андеграунда сторонним взглядом. С другой стороны, волею судеб Джоанна оказалась в самой гуще этого

андеграунда, и взгляд ее — взгляд изнутри, взгляд не только свидетеля, но и непосредственного участника многих событий, которым было суждено стать историей. Даже такому читателю, как я, который был рядом во многих из описываемых эпизодов, она открыла немало новых интригующих фактов.

И еще эта книга прекрасно, легко, ярко, образно и увлекательно написана. Читается она, как захватывающий детектив, в чем немалая заслуга соавтора Джоанны Мэдисон Стингрей. Дочь очаровалась восхитительной, захватывающей историей приключений матери в Стране Чудес и сумела облечь ее в простой, доступный, но вместе с тем полный подлинного чувства и подлинной поэзии язык. Как живые, встают со страниц книги Борис Гребенщиков и Виктор Цой, Юрий Каспарян и Сергей Курёхин, Костя Кинчев и Тимур Новиков, Африка и Коля Васин, Дэвид Боуи и Энди Уорхол и многие-многие другие герои сказочной Страны Чудес. Совершенно очевидно, с какой любовью и страстью писали эту книгу мать и дочь. Мне, как переводчику, доставляло истинное наслаждение передавать эти любовь и страсть и, надеюсь, такое же наслаждение от книги получит и читатель.

Я позволил себе снабдить книгу довольно обширным аппаратом примечаний и комментариев. Мне показалось это необходимым. Многие имена, топонимы и факты как из советских, так и из американских реалий 80-х годов сегодняшнему читателю неизвестны, а знание их важно для понимания исторического контекста книги.

Добро пожаловать в Страну Чудес Джоанны Стингрей! Добро пожаловать в сказку!

Александр Кан
Лондон, январь 2019 г.

Я хорошо помню день, когда я, как Алиса в знаменитой сказке, провалилась в кроличью нору.

Был март 1984 года, и мой самолет приземлился в московском международном аэропорту Шереметьево. Все вокруг выглядело холодным, мрачным, безжизненным, и, проходя по бесконечным бетонным коридорам, я чувствовала пустоту и напряжение. Я шла, казалось, целую вечность, все больше отдаляясь от дома, солнца, моря и пальм, которые до сих пор были неотъемлемой частью моей жизни.

В таможенном отсеке мне пришлось встать в хвост длинной очереди мрачных и молчаливых людей. Куда ни посмотри, повсюду стояли неподвижные фигуры солдат, застывшие и безжизненные, как манекены. Дышат ли они? А я дышу? Я глубоко вздохнула, сразу ощутив смесь сигаретного дыма и запаха пота сотни запертых со мной в одном помещении тел.

Такое состояние продолжалось еще три дня. Из окон туристического автобуса Москва выглядела серым, угрюмым городом-призраком, хоть и наполненным жизнью. По улицам торопливо сновали одетые в черное или темно-синее люди. Помню мелькнувшую в голове мысль: «Вот место, куда я никогда больше не захочу приехать, — империя зла и отчаяния за железным занавесом». Впервые я подумала, что отец мой был, наверное, все-таки прав.

На четвертый день я отправилась в Ленинград — за грязными стеклами автобуса виднелась новая монотонная череда пейзажей унылой страны. Мы ехали будто в передвижной тюрьме, а механический

голос бдительного тургида, твердящий заученный текст, напоминал утреннюю молитву перед кучкой падших ангелов. После обеда в отеле я решила, что с меня хватит, и, прокатившись по загадочному лабиринту, оказалась у ног «отца русского рок-андеграунда». Я помню, как, оказавшись у него дома, поразились, что передо мной живой, настоящий человек со светом в глазах и живым цветом лица. Я слушала русский рок — безумный саундтрек жизни, любви и потерь — и внезапно поняла: я в Стране Чудес!

С этого момента жизнь моя перевернулась. Я стала одержима Страной Чудес и ее жителями, которые питали город электричеством, даже когда ток был отключен. Я пыталась проводить там как можно больше времени, впитывая в себя этот дух, пока, наконец, кроличья нора не выплюнула меня и не затворилась навсегда. Книга, которую вы держите в руках, — история моей жизни с марта 1984-го по апрель 1996-го и всех тех приключений, которые за эти годы мне довелось пережить вместе с самыми замечательными героями.

Мне было то ли шесть, то ли семь, когда отец вдруг сказал мне: «Никогда, ни в коем случае не вздумай отправляться за Железный занавес».

Тогда я, разумеется, и представить себе не могла, что сделаю все вопреки его совету. Детство мое проходило в каньоне Топанга, где я слонялась по холмам вокруг Лос-Анджелеса, охотясь за солнцем и прячась от гремучих змей. Трудно представить себе место, более далекое от стальной коммунистической страны, которая на годы станет моим домом. Несмотря на отдаленность, отец мой был страстно предан СССР — точнее, подогреву страха американцев перед этой страной. Я хорошо помню, как в середине 60-х в своем теплом, обитом деревянными панелями кабинете он работал над документальным фильмом «Правда о коммунизме»¹. Он был сценаристом, режиссером и продюсером картины и отдал ей три-четыре года жизни. Повсюду громоздились стопки коробок с киноплёнкой, которую он бесконечно резал, монтировал, перемонтировал, заваливая комнату грудями целлулоидных обрезков. К этому страшному месту — СССР — он относился со всем вниманием. Настолько, что к чтению авторского текста сумел даже привлечь будущего губернатора Калифорнии и бывшего актера Рональда Рейгана, который именно в этом фильме чуть ли не

¹ Отец Джоанны Сидни Филдс (1914–2001) — джазовый музыкант, менеджер и продюсер. Документальный фильм «Правда о коммунизме» (1962) — его единственный опыт работы в кинематографе. (Здесь и далее примечания переводчика).

впервые произнес свои ставшие потом крылатыми слова об «империи зла». В конце 70-х «Правда о коммунизме» стала широко известным антикоммунистическим пропагандистским фильмом, его показывали детям в школах по всей стране, в том числе и в той, где училась я. Папе я безоговорочно верила, и голос его долго звучал где-то на задворках памяти, как спрятанный глубоко под подушку крохотный будильник.

Но, несмотря на все отцовские усилия, Россия меня тогда совершенно не интересовала. Я лазила по предгорьям Санта-Моники, гоняла в школу на велике и вместе с сестрами таскалась за мамой по всем мюзиклам, которые только приезжали в Лос-Анджелес. С отцом мама развелась, когда мне было то ли одиннадцать, то ли двенадцать, и мы переехали в съемный дом на две семьи в Беверли-Хиллз, у самой красивой в мире, по слухам, железной дороги, правда, с неправильной ее стороны. Заросший сад был густо засыпан пальмовыми листьями, а с севера до нас доносился гул вечно шумящего бульвара Уилшир, лос-анджелесского Бродвея. Дом был всего в квартале от моей школы Beverly Hills High School — средоточия моей вселенной. К чему мне были геронтократы в Кремле? Бесконечные очереди за продуктами? Преследования КГБ? Меня куда больше волновали пышность собственных волос, возможность прогулять школу и острейшая проблема — как бы съесть как можно больше обожаемых мною замороженных кексиков, которые всегда хранились в холодильнике моей лучшей подруги.

Если не считать отца, то единственное столкновение с Россией было у меня на любимых мной уроках по русской истории. В конце 70-х Госдеп утвердил программу образовательных обменов с СССР, и наш замечательный учитель начал готовить недельную поездку на время зимних каникул. Моя лучшая подруга Диана, мать которой готовила те самые восхитительные кексики, должна была ехать. Мне безумно хотелось к ней присоединиться — отчасти потому, что я стремилась позлить папу-антикоммуниста, отчасти потому, что никак не желала оказаться обделенной. Мама, как всегда, взвалила на себя кучу дополнительной работы, чтобы заработать денег мне на поездку, но в итоге, когда все грузились в самолет, я сидела дома со своим вели-

ком и чувствовала такую горечь и обиду, что память о них оставалась со мной многие годы.

По счастью, для встречи с рок-н-роллом мне не пришлось ждать поездки в Россию. Мой школьный бойфренд Пол познакомил меня с музыкой, которую Дэвид Боуи окрестил как «опасную» и «более мрачную, чем мы сами». Музыка была единственным, что могло хоть как-то перекрыть подростковый эгоцентризм и дать возможность ощутить, что в мире есть сила, способная побороть даже самого могущественного великана. Пол занимался спекуляцией с билетами на концерты: высокий, всегда уверенный в себе парень, он управлял целой бандой странных типов, которые сутками напролет стояли в очередях, чтобы выкупить лучшие места. Так я оказалась в первом ряду на концертах Дэвида Боуи, Rolling Stones, Alice Cooper, Элтона Джона, Пола Маккартни с Wings и многих других, чьи имена за давностью лет выветрились из памяти. Чуть ли не каждый жаркий вечер я стояла вплотную к сцене, ощущая, как музыка проникает в самую глубь моего естества. Мне нравилось всё, но больше всего я сходила с ума по Боуи. В его внешности падшего ангела, сошедшего на землю в своем металлическом облачении, в каждом его жесте, каждом взгляде была магия. Он пьянил больше, чем любой алкоголь. Именно он заразил меня желанием выступить, он заставил поверить, что есть нечто, ради чего стоит жить.

В свою первую группу я попала благодаря дружбе с ее менеджером Джеффом Смитом. Джефф сумел собрать приличных музыкантов — все они были с грязными волосами, но горящими глазами. Стоя на авансцене с огромным микрофоном в руках и по-дурацки завитыми волосами, я представляла собой кошмарное зрелище: наглая школьница, способная реветь, как северный олень, но не способная держать тональность. У меня была яркая внешность, куча энергии, но я понятия не имела, что я делаю.

Отец Джеффа Джо возглавлял Capitol Records. Тогда это была известная и крупная компания. Внушительная 13-этажная башня на углу Голливудского бульвара и улицы Вайн с огромным фирменным логотипом на самом верху равнодушно и надменно взирала на копошащихся внизу туристов и на новичков, желающих приблизиться к манящему миру музыки. Жил Джефф в огромном доме на Роксбери-

драйв в Беверли-Хиллз, и именно там, в обвитом плющом кирпичном доме, мы и репетировали. Время от времени отец Джеффа заглядывал в «курилку», чтобы посмотреть и послушать, как скачет и гремит группа его отпрыска — прямо как большие! Представляю, как ему было неловко! Мы едва годились для выступления на школьной вечеринке, но Джефф неизменно затаскивал отца к нам, как будто предполагал, что Джо прямо тут же предложит нам контракт. Джо, нужно отдать ему должное, терпеливо высиживал очередную ужасную песню, которую мы решали исполнить для него на этот раз, и даже вежливо покачивал головой в такт. Потом он, как правило, говорил: «Знаете что, ребята? Вам нужно продолжать репетировать. Если вы этого хотите по-настоящему, то нужно работать, и вы будете играть все лучше и лучше». Так я впервые услышала конструктивную критику по отношению к себе как музыканту — если, конечно, меня тогда можно было назвать музыкантом. Я приняла эти слова близко к сердцу и пронесла их с собой через все университетские годы, неизменно практикуя свое пение в крохотных затхлых душевых кабинках, столь характерных для американских студенческих общежитий.

Благодаря успешным занятиям прыжками в воду я получила стипендию в Университете Южной Калифорнии. Затем, желая сменить атмосферу, перешла в Бостонский университет, но холод погнал меня обратно, и диплом я получала уже в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (UCLA), в стране вечного лета и смога. Если бы кто-то мне тогда сказал, что я проведу больше десяти лет жизни в стране сибирских морозов, ответ мой был бы прост: «Ни за какие деньги!».

Летом 1981 года, еще учась в UCLA, я пошла работать в магазин одежды. Да, стоит признать, что это было вовсе не то, что имел в виду Джо, советуя мне усердно заниматься музыкой. Уже через несколько дней в этом магазине я помирала со скуки, чувствуя себя морской черепахой, пытающейся продраться к воде по сухому песку. Монотонная рутина — работа, еда, сон... опять работа, еда, сон — сводила меня с ума. Тогда я решила раз и навсегда: обычная работа с девяти до пяти не для меня. Сколько бы мне ни пришлось заниматься, как бы трудно мне ни давались премудрости музыкальной грамоты, я должна петь. И я буду петь!